

КОММЕНТАРИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

А. В. Шеслер*

ИСПОЛНИТЕЛЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются виды исполнителя преступления, выделенные в действующем российском уголовном законодательстве, к числу которых отнесены собственно исполнитель преступления, соисполнитель преступления, посредственный причинитель преступного вреда. Собственно исполнителем преступления является лицо, непосредственно совершившее преступление, то есть лицо, самостоятельно выполнившее конкретный состав преступления, предусмотренный статьей Особенной части УК РФ, прежде всего деяние, входящее в объективную сторону этого состава преступления. Соисполнитель преступления — это лицо, которое наряду с другими исполнителями полностью или частично выполнило объективную сторону конкретного состава преступления, предусмотренного статьей Особенной части УК РФ. Посредственный причинитель преступного вреда характеризуется тем, что выполняет объективную сторону конкретного состава преступления посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу того, что они не являются субъектами преступления (не достигли возраста уголовной ответственности, невменяемы) или в силу других обстоятельств (например, обстоятельств, исключающих преступность деяния). В статье критически осмысливается практика квалификации действий соучастников преступления как действий исполнителя преступления.

Ключевые слова: соучастие в преступлении; исполнитель преступления; соисполнитель преступления; посредственный причинитель вреда; соисполнительство; совершение преступления группой лиц.

DOI: 10.17803/1729-5920.2016.120.11.071-076

Действующий уголовный закон среди всех соучастников преступления выделяет прежде всего исполнителя (ч. 1 ст. 33 УК РФ), который является ключевой фигурой в том смысле, что в его деянии воплощаются результаты усилий других соучастников. Законодатель отмечает, что исполнитель преступления — это лицо, непосредственно совершившее преступление либо непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами (соисполнителями), а также лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных УК РФ (ч. 2 ст. 33). Таким образом, действующий

уголовный закон предусматривает три вида исполнителей преступления, а именно: собственно исполнителя преступления, соисполнителя преступления, посредственного причинителя преступного вреда. Доктринальное толкование этих видов исполнителей преступления конкретизирует содержание их законодательного определения.

Собственно исполнителем преступления является лицо, непосредственно совершившее преступление, т.е. лицо, самостоятельно выполнившее конкретный состав преступления, предусмотренный статьей Особенной части УК РФ, прежде всего деяние, входящее в объективную сторону этого состава преступления. Отметим, что в отдельных случаях организа-

© Шеслер А. В., 2016

* Шеслер Александр Викторович, доктор юридических наук, профессор, профессор Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний
sofish@inbox.ru
654056, Россия, г. Новокузнецк, пр. Октябрьский, д. 49

торские, подстрекательские и пособнические по своей сути действия образуют самостоятельный состав преступления. Такие действия квалифицируются, за некоторым исключением, только по соответствующей статье УК РФ как действия исполнителя преступления без ссылки на соответствующую часть ст. 33 УК РФ. Например, создание и руководство преступным сообществом квалифицируются по ст. 210 УК РФ, склонение к совершению преступлений, предусмотренных ст. 205, 206, 208, 211, 277, 278, 279, 360, квалифицируется по ч. 1 ст. 205.1 УК РФ, пособничество к совершению преступления, предусмотренного ст. 205, квалифицируется по ч. 3 ст. 205.1 УК РФ, пособничество в виде посредничества во взяточничестве — по соответствующей части ст. 291.1 УК РФ и т.д.

Необходимость обратить на это внимание вытекает из того, что в судебной практике нередко допускаются ошибки в квалификации действий соучастников преступления, когда действия исполнителя преступления квалифицируются как действия других соучастников, и наоборот. В частности, в ранее действовавшей редакции пункт 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 года № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» отмечалось: «Действия посредника в сбыте или приобретении наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов следует квалифицировать как соучастие в сбыте или в приобретении наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в зависимости от того, в чьих интересах (сбытчика или приобретателя) действует посредник». В этом положении не было ответа на вопрос о квалификации действий такого посредника, а также действий лиц, в чьих интересах действовал посредник. В конкретных решениях Верховный Суд РФ действия таких лиц квалифицировал как соисполнительство. Именно такую позицию занял Верховный Суд РФ, изменив приговор Бутырского районного суда г. Москвы в отношении Г., по которому последний был осужден как исполнитель преступления в виде незаконного приобретения по просьбе О. героина в особо крупном раз-

мере, а затем его сбыте. Правильно исключив из обвинения квалификацию действий Г. как сбыт наркотического средства, так как у Г. была предварительная договоренность с О. на приобретение этого средства, а не на его сбыт, Верховный Суд РФ вместе с тем посчитал, что Г. и О. были соисполнителями одного преступления¹. На наш взгляд, действия О. необходимо было квалифицировать как подстрекательство к приобретению наркотического средства, а действия Г. — как действия исполнителя этого преступления в связи с тем, что они образуют объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 228 УК РФ. В пункте 15.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 (в ред. от 30 июня 2015 г.) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» отмечается, что действия лица, которое передает приобретателю указанные предметы по просьбе (поручению) другого лица, которому они принадлежат, следует квалифицировать как соисполнительство в незаконном сбыте указанных средств, веществ, растений. Таким образом, ошибочная, на наш взгляд, позиция в отношении соучастников сбыта указанных предметов нашла четкое нормативное обозначение. Вместе с тем соисполнительства в подобных случаях соучастия нет. Действия лица, осуществляющего передачу соответствующих средств, веществ, растений следует квалифицировать как действия исполнителя преступления в виде их сбыта в связи с тем, что они образуют объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ. Действия лица, попросившего сбыть принадлежащие ему средства, вещества, растения, следует квалифицировать как действия подстрекателя, а действия лица, давшего соответствующее поручение, — как действия организатора преступления.

Вторая разновидность исполнителя преступления — это соисполнитель преступления, то есть лицо, которое наряду с другими исполнителями полностью или частично выполнило объективную сторону конкретного состава преступления, предусмотренного статьей Особенной части УК РФ. При этом следует помнить

¹ Судебная практика по уголовным делам Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека (1996—2004 гг.) / сост. Е. Н. Трикоз ; предисл. В. П. Кашепова, Е. Н. Трикоз. М., 2006. С. 873—874.

о том, что выполнение объективной стороны состава конкретного преступления состоит прежде всего в исполнении основного признака этого состава — деяния. В действующем законодательстве и судебной практике сложилось понятие соисполнительства как совершения преступлений группой лиц.

Третья разновидность исполнителя преступления — это посредственный причинитель преступного вреда. Такой исполнитель характеризуется тем, что выполняет объективную сторону конкретного состава преступления посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу того, что они не являются субъектами преступления (не достигли возраста уголовной ответственности, невменяемы) или в силу других обстоятельств (например, обстоятельств, исключающих преступность деяния).

Проблемы, связанные с уголовно-правовой оценкой действий соисполнителя преступления и посредственного причинителя преступного вреда, обусловлены тем, что в теории уголовного права и в судебной практике необоснованно расширяется понятие совершения преступления группой лиц. В частности, некоторые исследователи считают, что понятием группового преступления охватывается не только соисполнительство, но и все случаи выполнения объективной стороны конкретного состава преступления несколькими лицами, из которых лишь одно может быть субъектом преступления, а все остальные таковыми не являются в силу недостижения возраста уголовной ответственности или невменяемости². Эта позиция нашла закрепление в ряде ранее действовавших постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР (РФ), в частности в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 22 марта 1966 г. «О судебной практике по делам о грабеже и разбое» и в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 апреля 1992 г. № 4 «О судебной практике по делам об изнасиловании».

В УК РФ совершение преступления группой однозначно признается соучастием, поскольку это понятие содержится в гл. 7 «О соучастии в

преступлении», а сами участники группы в ч. 1 ст. 35 УК РФ названы исполнителями. Однако позиция Верховного Суда РФ в современный период в отношении уголовно-правовой оценки действий участников группы, из которых лишь один является субъектом преступления, непоследовательна. Так, в п. 9 ранее действовавшего постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» указывалось: «...совершение преступления с использованием лица, не подлежащего уголовной ответственности в силу возраста (ст. 20 УК РФ) или невменяемости (ст. 21 УК РФ), не создает соучастия. Вместе с тем при совершении преступления несовершеннолетним, не подлежащим уголовной ответственности по указанным выше основаниям, лицо, вовлекшее несовершеннолетнего в совершение этого преступления, в силу части 2 статьи 33 УК РФ несет ответственность за содеянное как исполнитель путем посредственного причинения»³. В менее категоричной форме данная позиция подтверждена в п. 42 действующего постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», где отмечается следующее: «В случае совершения преступления несовершеннолетним, не подлежащим уголовной ответственности, лицо, вовлекшее его в совершение преступления, в силу части 2 статьи 33 УК РФ несет ответственность за содеянное как исполнитель путем посредственного причинения». Аналогичное положение содержится в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»: «В случае совершения кражи несколькими лицами... их действия следует квалифицировать... по признаку “группа лиц”, если в совершении этого преступления совместно участвовало два или более исполнителя, которые в силу статьи 19 УК РФ подлежат уголовной ответственности

² Галиакбаров Р. Р. Квалификация групповых преступлений. М., 1980. С. 36; Михеев Р. И. Невменяемый. Социально-правовой очерк. Владивосток, 1992. С. 111; Он же. Уголовно-правовая оценка общественно опасных деяний невменяемых при групповых посягательствах // Актуальные проблемы борьбы с групповой преступностью. Омск, 1983. С. 10—19.

³ Судебная практика по уголовным делам: в 2 ч. / сост. С. А. Подзоров. М., 2002. Ч. 1: Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и Российской Федерации. С. 540.

за содеянное. Если лицо совершило кражу посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, его действия... следует квалифицировать... как непосредственного исполнителя преступления...». Анализ приведенных текстов свидетельствует о том, что не всякая совместная деятельность нескольких физических лиц является соучастием в преступлении (в том числе совершением преступления группой лиц), а только такая, в которой участвовали два и более лица, обладающих признаками субъекта преступления.

Противоположная позиция отражена в положении, содержащемся в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ за IV квартал 2000 г. В нем отмечается: «Преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном его совершении, независимо от того, что некоторые из участвовавших не были привлечены к уголовной ответственности в силу недостижения возраста уголовной ответственности или ввиду невменяемости»⁴. Некоторыми авторами это положение было воспринято положительно, и необходимость квалификации действий как группового преступления в подобных случаях обосновывалась, во-первых, тем, что в ст. 32 УК РФ нет указания именно на лиц, обладающих признаками субъекта преступления, во-вторых, тем, что такая квалификация позволяет отразить повышенную общественную опасность подобных посягательств⁵. Наличие такой позиции Верховного Суда РФ в отношении субъектного состава группового преступления, а также попытки теоретического обоснования рядом исследователей возможности группы лиц при одном субъекте преступления приводят к тому, что соответствующая этой позиции судебная практика по-прежнему существует. Она касается прежде всего лиц, участвующих в совершении деяния, входящего в объективную сторону конкретного состава преступления, и признанных невменяемыми в момент его совершения.

Так, Президиум Верховного Суда РФ 6 октября 2004 г. постановил оставить без удовлетворения надзорное представление заместителя Генерального прокурора РФ, в котором указывалось на необходимость переквалификации действий П. со ст. 105 ч. 2 п. «ж» УК РФ на ст. 105 ч. 1 УК РФ. Представление мотивировалось тем, что П. совершил преступление совместно с Б., признанным невменяемым. Суд в данном случае, сославшись на ст. 35 УК РФ, исходил из того, что убийство М. данные лица совершили совместно при следующих обстоятельствах. П. с целью убийства М., зная о наличии психического заболевания Б., передал последнему нож со словами: «На, Олег, нож! Убей его, тебе за это ничего не будет», а сам обхватил потерпевшего сзади и стал держать его за руки. Б. ударил дважды М. ножом в область шеи и несколько раз по кистям обеих рук. Развившаяся в результате нанесенных ранений острая потеря крови привела к смерти потерпевшего. Суд исходил из того, что для группового убийства необходимо, чтобы два и более лица непосредственно участвовали в лишении жизни потерпевшего, применяя к нему насилие, причем необязательно, чтобы повреждения, повлекшие смерть, были причинены каждым из них.

Встречаются в судебной практике также решения, в которых признается наличие группы лиц и в тех случаях, когда ее участники, за исключением одного, не достигают возраста уголовной ответственности. Так, Президиум Верховного Суда РФ, удовлетворяя надзорную жалобу осужденного М. в части переквалификации его действий по причинению смерти Б. со ст. 105 УК РФ на ч. 4 ст. 111 УК РФ, согласился с осуществленной Саратовским областным судом квалификацией совершенного им разбоя и последующего покушения на убийство С. как совершенных группой лиц, несмотря на то, что второй участник группы П. не достиг возраста уголовной ответственности⁶.

Таким образом, суды квалификацию действий виновных лиц как совершенных группой, в которой только одно лицо обладало признаками субъекта преступления, мотивировали только фактическим участием иных

⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 8.

⁵ Парог А., Есаков Г. Понимание Верховным Судом РФ «группы лиц» соответствует принципу справедливости // Российская юстиция. 2002. № 1. С. 51—53.

⁶ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 1.

лиц в выполнении деяния, входящего в объективную сторону конкретного состава преступления.

Наша критика этой позиции основывается прежде всего на систематическом и логическом толковании уголовного закона. Содержание ч. 1 ст. 35 УК РФ свидетельствует о том, что участниками группового преступления могут быть только исполнители, а исполнителями преступления, по смыслу ч. 2 ст. 33 УК РФ, могут быть только лица, обладающие признаками субъекта преступления. Кроме того, рассматриваемая позиция порождает достаточно сложную и практически не разрешимую с позиций уголовного закона проблему, а именно: необходимость законодательного закрепления минимальных возрастных границ и границ расстройства психической деятельности лиц, которые не являются субъектами преступления, но могут быть признаны участниками преступной группы. Поэтому фактические участники совместно совершенного преступления, не являющиеся его субъектами, могут быть признаны участниками группы не в уголовно-правовом, а в криминологическом значении. Такое участие и его общественная опасность тоже получают уголовно-правовую оценку через норму о посредственном совершении преступления (ч. 2 ст. 33 УК РФ). Однако эта оценка влечет уголовно-правовые последствия только для того участника группового посягательства, который является субъектом преступления и действия которого квалифицируются как действия исполнителя преступления, в том числе в связи с тем, что частичное причинение им преступного вреда осуществляется посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности. Фактические участники совместной преступной деятельности могут быть подвергнуты различным формам индивидуально-профилактического воздействия, относящимся к специально-криминологической профилактике. В тех случаях, когда имеет место

фактическая ошибка одного из участников преступления в отношении возраста уголовной ответственности или вменяемости другого лица, совместно с ним совершающего преступление, то действия лица, допустившего такую ошибку, следует квалифицировать как покушение на совершение соответствующего преступления в соучастии. Например, при совершении кражи действия такого лица следует квалифицировать по ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ — как посредственного причинителя преступного вреда.

Итак, роль исполнителя преступления состоит в выполнении различными способами конкретного состава преступления, предусмотренного статьей Особенной части УК РФ.

В связи с многообразным выражением роли исполнителя преступления отметим, что фактически действия некоторых соисполнителей могут быть сходны с действиями других соучастников преступления. Однако юридически они не оцениваются как действия организатора, подстрекателя или пособника и квалифицируются без ссылки на соответствующую часть ст. 33 УК РФ. Различная общественная опасность соисполнителей преступления, из которых выделяются фактические организаторы, подстрекатели и пособники, может быть учтена при привлечении их к уголовной ответственности и назначении им наказания, исходя из вклада каждого из них в совместно совершенное преступление (ч. 1 ст. 31, ч. 1 ст. 67 УК РФ).

Действия лиц, которые выполнили полностью или частично объективную сторону состава преступления с другими лицами и одновременно участвовали в преступлении в роли организатора, подстрекателя или пособника, квалифицируются как соисполнительство. Это вытекает из редакции ч. 3 ст. 34 УК РФ и обусловлено тем, что именно роль исполнителя преступления является, как уже отмечалось, ключевой в смысле воплощения усилий других соучастников преступления.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Галиакбаров Р. Р. Квалификация групповых преступлений. — М., 1980.
2. Михеев Р. И. Невменяемый. Социально-правовой очерк. — Владивосток, 1992.
3. Михеев Р. И. Уголовно-правовая оценка общественно опасных деяний невменяемых при групповых посягательствах // Актуальные проблемы борьбы с групповой преступностью. — Омск, 1983.
4. Рарог А., Есаков Г. Понимание Верховным Судом РФ «группы лиц» соответствует принципу справедливости // Российская юстиция. — 2002. — № 1.

Материал поступил в редакцию 15 января 2016 г.

A PERPETRATOR

SHESLER Aleksandr Viktorovich — Doctor of Law, Professor of the Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service

sofish@inbox.ru

654056, Russia, Novokuznetsk, prospect Oktyabrsky, d. 49.

Review. *This article discusses the types of perpetrators listed in the existing Russian penal legislation including a perpetrator, a co-perpetrator, a non-apparent wrongdoer. An actual perpetrator is a person who directly commits an offense, i.e. a person who independently commits a certain crime under one of the articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, particularly an act covering the actus reus of the corpus delicti. A co-perpetrator is a person who along with other perpetrators has fully or partially carried out the actus reus of a certain corpus delicti provided for by the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. A non-apparent wrongdoer is characterized by the fact that he performs the actus reus of a certain corpus delicti by means of using other persons who are not subjected to criminal liability because they are not subjects of a crime (e.g. have not reached the age of criminal responsibility, insanity) or because of other circumstances (for example, circumstances excluding the criminality of an act). The article critically interprets the practice of qualifying the actions of accomplices in a crime as the actions of a perpetrator.*

Keywords: *complicity in a crime, perpetrator, co-perpetrator, non-apparent wrongdoer, joint perpetrators, committing a crime by a group of persons.*

BIBLIOGRAPHY

1. Galiakbarov, P. R. Qualification of collective crimes. — M., 1980.
2. Mikheyev, R. I. An Insane. A social and legal essay. — Vladivostok, 1992.
3. Mikheyev, R. I. Criminal law assessment of socially dangerous acts of the insane participating in collective assaults // Actual Problems of Fight Against Collective Crime. — Omsk, 1983.
4. Rarog, A., Esakov, G. Understanding of the Supreme Court of the Russian Federation of a "group of persons" is consistent with the principle of fairness // Russian Justice. — 2002. — №